

Ирина Кребель

*Мифопоэтика
Серебряного
века*
опыт
топологической
рефлексии

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 7.036"189"
ББК 85+87.3(2)
К79

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Гранта Президента РФ МК-581.2007.06*

*Рекомендовано к печати кафедрой онтологии и теории познания
факультета философии и политологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

Рецензенты:

*Б.И. Липский, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
онтологии и теории познания факультета философии и политологии СПбГУ;
В.И. Разумов, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

Кребель И. А.

К79 Мифопоэтика Серебряного века: Опыт топологической рефлексии /
И. А. Кребель. — СПб. : Алетей, 2010. — 592 с.
ISBN 978-5-91419-342-0

Работа нацелена на прояснение мифопоэтических оснований языка мысли Серебряного века. Автор показывает, что Серебряный век — время, в котором нет жестких жанровых границ для бытия мысли; мысль объединяет и сплавляет людей, профессионально разных, но поэтически, по способу миропонимания и мироощущения, по способу состоятельности и чувства времени, эпохи — единых. Автор предпринимает попытку осмыслить следующую ситуацию: мифопоэтика мысли Серебряного века разворачивается не только в штудиях профессионалов-философов, но и в поэзии, живописи, музыке, театре, балете — в тех концептуальных установках творчества, которые проступают в поэтическом, живописном, музыкальном языке, языке тела, жеста и танца. В работе сделан акцент на том, что мысль Серебряного века — мысль местом, телом, ритмом, пространственной встроенностью, вызывающей сопричастность реальности, благодаря чему сама реальность становится домом, космосом, в котором каждая вещь — на своем месте, имеет свое имя, смысл ее приобретает статус живого мифа и остается заветным.

Предназначена для филологов, философов, а также для всех, кому небезразлична эстетика отечественной рациональности, т. е. те лингвистические конструкции, которые сообщают мысли ускорение, интенсифицируют чувство родного языка, а вместе с ним — чувство родины, Отечества.

УДК 7.036"189"
ББК 85+87.3(2)

В оформлении обложки использована картина Саши Силкина

© И. А. Кребель, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ОТ АВТОРА

Знак бессмысленный мы,
Мы не чувствуем боли и почти
Потеряли язык на чужбине
Ф. Гельдерлин

Мы живем, под собою не чуя страны...
О. Мандельштам

Продолжая мысль, сориентированную выбранными словами эпиграфов, нужно сказать, что сегодня в большей степени отечественную рефлексию в разных стилистиках ее воспроизведения отличает отсутствие чувства места, страны, *чувство родного языка, которым* мысль получает свою плоть. Речь идет в первую очередь не об отстраненном описании «языка философии», но об опыте проникновенного осмысления *самого языка*. Опыт осмысления языка с необходимостью втягивает в рефлексивное поле конкретику образа жизни той или иной лингвистической локальности (диалектной и этнической), уникальность ландшафта, живого места, вовлеченных в речь. По словам В. Савчука, замыкающим проект актуальной философии, «философию делает актуальной размышление о болевых точках современности, которая в ускользающих потоках времени не успевает дать себе отчет о происходящем»¹. Если расширить цитату, то может получиться следующее: дает о себе знать болевая точка самой мысли — мысль как точка боли, точка понимания того, что мы *не чувствуем*, потому — не понимаем, и многие вещи ускользают от рефлексивной анестезии. Сегодня болезненно важным является то, что мы не чувствуем своего *места*, не переживаем своего *опыта мысли, ее телесной и пространственной вовлеченности*, не ощущаем и рефлексивно не фиксируем *жизненного ритма, и опыта собственного языка*, его семантических глубин. Слова «родина», «дом» утратили свою архаическую заветность и подлинность; проговаривая их, мы не воспринимаем их живого смысла.

Не останавливаясь, скользим по отшлифованной смысловой поверхности и не замечаем, что *уже не* живем в полноценной эстетике жизни, но *еще и не* мертвы, ибо механически существуем и даже вынашиваем сакраментальную иллюзию того, что понимаем, в чем, собственно, дело, и вообще — понимаем.

Так часто и много проговариваем идею свободы, оставаясь несвободными, поскольку первичная свобода высвечивается трезвостью мысли, ее честностью, (ибо мысль и честность сопряжены), лингвистической самобытностью, причастностью месту, особенностями погружения в стихию жизни современности. Таким масштабом свободы развернуто наследие Серебряного века, такого масштаба недостает сегодня.

¹ См.: Савчук В. Режим актуальности: актуальная философия. СПб, 2004.

Чаще всего исследования, прорабатывающие тематику национальной мысли, соскальзывают в заранее выбранную технологию, именуемую методом, методикой, техникой анализа, смысловой, включая теологическую, парадигмой, однако, в конечном счете, получается так, что таким текстом мы либо сравниваем себя с Европой, либо пытаемся зафиксировать установки своей мыслительной самостоятельности между Западом и Востоком, либо ограничиваем себя терминами, выставленными славянофилами, западниками, евразийцами. Так или иначе, исследования, выполненные по таким схематическим сюжетам, переходят в ранг описаний проектов того, что могло бы быть или быть не могло, но не погружают в глубину стихии народа, страны — таких конститутивов, которые уплотняют мысль, творят ее телесность, задают ее телеологию. В этом плане возникает потребность увидеть наследие отечественных мыслителей в особом ключе, не подвергающем их творчество дискурсивному принуждению, инерции понимания, идеологическому насилию. Эта потребность диктует тему письма, пребывающую латентно либо открыто, в авторском жесте каждого мыслителя; это тема *эстетики языка*, уместающей в своих дискурсивных складках опыт мира многонационального народа, территориальный масштаб, парадоксальную одномоментность различия и единообразия мысли. Задача работы — дать слово самим авторам, темой исследования высветить особенности национальной дискурсивности, сообщающей понимание универсума и места русского человека в нем.

Для исследования выбрано особое время, особенный период отечественной истории культуры, концептуально означенный Серебряным веком. Это время, которое демонстрирует зрелость мысли, ее самостоятельность, профессионализм действия и его саморефлексию, нерасчлененность действия, опыта и мысли. Этот период многими современниками (С. Маковским, Н. Бердяевым, В. Ходасевичем, В. Шкловским) назван русским Ренессансом, русским романтизмом (И. Анненский)¹, и он интересен тем, что сочетает все виды искусств и подводит их под единый знаменатель — знаменатель мысли и ее языковой конверсии. Театр, живопись, поэзия, балет существуют настолько, насколько концептуально выстроены, их опыт в культуре сообщает иное измерение мышлению, выводя его за рамки чистой спекуляции и перевода в статус телесно ангажированного. Единство этого опыта, опыта мысли, как мы сегодня смеем утверждать, в полноте, целостности не получило осмысления.

В то время как сегодня очевидна девальвация смысла национального достоинства, национальной самостоятельности, живого опыта мысли страны (а мысль глубин, масштаба придает любой идее жизнеспособность и жизнестойкость),

¹ И. Анненский дает свою характеристику романтизма, выстроенную на понимании различия эпох прошедших и предстоящих, так, «романтическим в истории является такой период, который кладет резкую грань между двумя соседними враждующими и непримиримыми эпохами». — См.: *Анненский И. О современном лиризме* // Аполлон. 1909. № 1. С. 19.

полагаю, необходима реанимация отечественного наследия мысли, его рекультивация, т. е. освобождение от культурно-идеологического балласта, очищение от стандарта чтения текста и его понимания. Необходимостью вскрытия такого ракурса понимания искусства, культуры, философии определен выбор темы исследования.

Тема работы достаточно сложна, и эта сложность вызвана тем, что сегодня до сих пор остается непродуманным до конца наследие, озаменовавшее себя русской мыслью, т. е. таким событием мысли, которое конституирует себя стихией русского языка. Частым и распространенным явлением выступают устойчивые характеристики отечественного наследия мысли: ее религиозный характер, ее патриотический пафос, в то время как сама *эстетика мысли* остается в стороне. Подвергаются аналитике уже готовые сюжеты, предложенные авторами-философами в своих работах, исследуется их актуальность, разбираются категориальные конструкции, но глубина мысли, ее динамика, то, *как* она воплощает себя в слове и *как* этим словом автор мыслит — ускользает, вытесняется на вторичный план. В то же время именно этот момент наиболее важен и значим, поскольку его характер демонстрирует нам — являются ли *мыслью* расхожие положения авторов-философов начала XX века, или же они остаются *размышлениями* на уже заданную тему.

В работе предполагается различие *мысли* и *мышления*, *организуемого сугубо спекулятивным дискурсом*. Проясняя *основания мысли*, мы тем самым понимаем себя и реальность, в которой присутствуем, осознаем ее формообразующие скрепы и смысловдвижимые режимы. Мысль Серебряного века, мифопоэтически заданная, заявляет об этих основаниях, во многом опережая те позиции, которые позже будут представлены феноменологами Германии, конкретно — поздними работами М. Хайдеггера. Позволю себе смелость утверждать, что мысль Серебряного века есть в чистом виде феноменология — как настоящая, подлинная *Philosophia Perennis*, версию которой десятилетия спустя разворачивает германский автор¹. Предварительно замечу также, что мысль заявляет о себе не только в штудиях профессионалов-философов, но и в поэзии, живописи, музыке, театре, балете — в тех концептуальных установках творчества, которые развиваются поэтическим, живописным, музыкальным языком, языком тела, жеста и танца. Также подчеркну, что Серебряный век — время, в котором нет жестких жанровых границ для бытия мысли; мысль объединяет и сплачивает людей, профессионально разных, но

¹ Так, по мнению С.Л. Франка, русскими физиологами, конкретно, Н.И. Пироговым, предвараются итоги современной феноменологии, и формируется концепция «рационального эмпиризма», ориентированного на живую веру, отличную от церковных догм, основанную на живом опыте бытия. — См.: *Миронов Д.А. Этико-антропологические воззрения русских естествоиспытателей второй половины XIX века* // АнтропоТопос: Теоретический журнал в области философских наук. Вып. 1–2. Омск, 2008. С. 121–129.

поэтически, по способу миропонимания и мирочувствования, по способу состоятельности и чувства времени, эпохи — единых.

Остается не выясненным — что понимать под мыслью? Предлагаю фиксировать сам феномен мысли в качестве особого способа бытия, разворачивающего себя *стихийей языка*. Таким образом, если рассматривать мысль в качестве бытийственной составляющей, ауры бытия, то необходимо учитывать особенности состояния мыслящего, его опыт переживания, пространственно и телесно подкрепленный. В этом случае стоит остановиться на предварительной проработке дискурсивных компонентов, определяющих угол зрения и, часто, канализующих поток мышления по заранее выстроенным образцовым позициям. К таким компонентам, кроме феномена мысли, стоит отнести феномены тела, телесности, эстетического опыта — пристальное внимание к данным феноменам нацелено на то, чтобы разомкнуть готовую дискурсивную схему, освободить мысль от формата, заявить о ее свободе и эту свободу вывести на первый исследовательский план. Надо добавить, что такая техника понимания мыслительных конструкций, свободная от риторики идеологического стандарта, присутствует практически во всех авторских работах начала XX века; она проникнута свободой и эстетикой мысли, а также письма, сопряженного с нею. Под эстетикой здесь предлагаю понимать ее первоначальное значение — *Homo Aestheticus* — «человек чувствующий», а также то, что воспринимается самими авторами начала века — состоятельность, переживание, мирочувствование, а также отказ от голой спекуляции, от дистанцированности по отношению к предмету мысли, в особых случаях (как, например, в работах А. Белого, В. Хлебникова) отказ и от предметного мышления, где мысль развивается с помощью особого приема, вводящего в дискурс такое состояние сознания, которое граничит между сном и явью, между умом и тем, что пребывает за ним — заумью. Эти и другие позиции побуждают пересмотреть сами основания мысли, основания ее дискурсивности, а также более внимательно отнестись к слову, вещи, смыслу, к их взаимозависимости. Мысль Серебряного века — мысль местом, телом, пространственной встроенностью, вызывающей сопричастность реальности, благодаря чему сама реальность становится домом, космосом, в котором каждая вещь — на своем месте, имеет свое имя, смысл ее становится заветным.

Серебряный век как событие феерично заявил о себе на переломе исторических веков, предугадывая радикальный перелом способов социокультурного бытия. Русская культура конца XIX — начала XX века действительно является Серебряным веком, продолжающим традиции века Золотого. Эта квалификация может быть в полной мере отнесена и к философии, однако такое отнесение требует предварительной работы по обнаружению самой философии, по раскрытию специфики мысли — ее пойкитики, стилистики, эстетики, поскольку без таких составляющих ускользает живая сила мысли и сама она остается мушкетизированным сплавом готовых рациональных схем и конструкций, в которых обычно принято узнавать философию.

В тексте часто приходится прибегать к такому выделению, как *пойэтика*, *мифопойэтика* (вместо таких единиц, как «поэтика» и «мифопоэтика»), что вызвано необходимостью акцента на прямом значении категорий, на их этимологии, где «пойэтика» (от греч. *poiesis*) предполагает 'наличие усилий, творческое делание', т.е. такой вид работы, который осуществляется лингвистическими средствами и здесь язык, вызывая определенный опыт переживания и интенсифицируя его, сообщает мысли перспективу (часто не одну из-за предпринимаемых художником слова, работающим в той или иной стилистике письма, семантических коллизий). В таком случае «пойэтика», «мифопойэтика» фиксируют не столько какой-либо способ организации письма, сколько указывают на целостность эстетического опыта, в которой образ жизни и опыт мысли суть взаимозависимые реалии, сопровождаемые специфическим опытом письма. Деструкция вызвана также и необходимостью освобождения от «заезженных» характеристик, клише, часто обнаруживаемых в различных исследованиях, посвященных русской культуре в целом, и эпохе «Серебряный век» в частности.

Текст состоит из пяти глав, каждая из которых последовательно развивает логику работы. Так, в первой главе обосновывается выбор стратегии, задаются перспективы топологически (телесно, пространственно, чувственно) ориентированной рефлексии, дается указание насколько она адекватна в деле осмысления феномена эпохи и, шире, специфики отечественной рациональности. Осуществляется приближение к лингвистической форме мысли, исполненной ресурсами русского языка, получает демонстрацию то, что язык самопрезентативен и в опыте самопрезентации им сводится в единую мыслительную плоскость саморефлексия различных эстетических форм. В опыте лингвистической самопрезентации мысли поэзия занимает лидирующие позиции, сообщая мышлению гибкость и пластичность слова, часто достигаемую за счет вскрытия прямоты его непосредственного значения, а также за счет проводимой работы над его символическим капиталом. Вторая глава нацелена на экспликацию рациональных принципов, фундирующих определенный временной промежуток. В пространстве главы показывается, что за счет цельности и взаимозависимости установок на *ratio* в различных эстетических сферах временной отрезок культуры получает статус *эпохи*. В третьей главе проводится расширение символической плоскости, получает осмысление его сложность и многомерность, отслеживается то, что сфера символического бытия не ограничивается рамками только символизма, и что сам символизм в различных авторских версиях имеет различные коннотации, часто проникая в тематические поля школ и направлений, отталкивающихся от символа и сопротивляющихся ему. В четвертой главе задаются ориентиры мифа, раскрывается то, что миф является структурной компонентой символического пространства; миф как, одновременно, и образ жизни и способ письма получает воплощение в стилистике мысли таких ярких художников слова как В. Волошин, М. Цветаева, А. Ремизов. Пятая глава демонстрирует непосредственно стилистику философствования, взаимопроникаемую со

стилистикой пойнэтического мышления и сообщающуюся с ней в плотном коммуникативном пространстве эпохи; из чего обнаруживает себя специфическая версия философствования, не всегда уместная в такой общепринятый рационально-идеологический формат восприятия отечественной мысли, как «русская религиозная философия» (а часто оказывающая и сопротивление ему).

Следует обратить внимание на принцип трансляции чужих слов в тексте — цитат. В связи с тем, что позиции того или иного автора часто предполагают специфический язык их воспроизведения, нагруженный курсивами и другими графическими выделениями, считаю нужным после текста цитаты, воспроизводящего то или иное авторское выделение, делать необходимые пояснения (к примеру, если текст цитаты содержит авторское выделение курсивом, то в конце цитаты в круглых скобках дается следующее разъяснение: курсив автора — *И. К.*). Если же выделения проведены мною с целью подчеркнуть ту или иную значимую для исследования позицию, то сообщаю, что курсив мой (к примеру, в конце цитаты в круглых скобках указываю: курсив мой — *И. К.*).

Понимание наследия мысли Серебряного века, ее языковых глубин сегодня, век спустя после яркой манифестации, выступает задачей первостепенной важности, поскольку сообщает глубину и масштаб отечественного мышления, заявляет о его самобытности и самостоятельности по отношению и к восточному, и к западному стилю, а также культивирует гражданское самоуважение, преданность отечественным традициям.

Полагаю, время, озаглавленное «Серебряный век», — один из наиболее интенсивных периодов русской культуры, проявивший себя в первую очередь опытом самостоятельной мысли, не ограниченной стереотипами понимания, ориентированными на европейский лексикон и стилистику изложения. Как будет показано в работе — живопись, литература, поэзия, критика и, собственно, философия являются модусами единого целого — мысли, в то время как сама мысль отказывается от абстрактной дистанционности и чистой интеллектуализации, но приобретает статус чувственного вживания, реагирования на действительность, подключая архаический ресурс — живой опыт мира, *понимания как действия и присутствия* в универсуме.

Автор исследования выражает благодарность коллегам, в большей степени профессору В. В. Савчуку, профессору Л. М. Марцевой, доцентам Ю. Ю. Першину, Ю. В. Ватолиной, Т. Г. Лобовой, Н. А. Янковой, реальному философу Саше Силкину (г. Берлин, Германия), студенту юридического факультета ОмГУ Глатко Михаилу за ценные уточнения, рекомендации, за участие в дискуссии и готовность поддерживать ее интенсив. Особая признательность моим родителям, дочери и мужу за терпение, равнодушие к тематике работы, за поддержку, живое понимание и искреннее участие.

Ирина Кребель.
г. Омск.
Август 2008.